

Священник Владимир Белоножко

Образ святителя Николая Чудотворца в романе-хронике С. Н. Дурылина «Колокола»

УДК 1(470)(091)+82.09-31
DOI 10.47132/2541-9587_2024_4_206
EDN PCDYEP

Аннотация: В статье впервые в исследовании творчества Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954) — писателя, русского религиозного философа, историка литературы и театра, предложено истолкование одного из многочисленных религиозных образов, выведенного на страницах романа-хроники «Колокола». На основе комплексного литературоведческого анализа в целостном контексте биографических материалов и философских воззрений писателя автор делает вывод о том, что инкогнито одним из действующих лиц романа-хроники является святитель Николай Чудотворец, особенно ярко посредством символов выступающий в качестве главного героя второй главы первой части произведения. Через истолкование религиозных символов, образов и мотивов, которыми насыщено повествование романа-хроники, можно сделать вывод о том, что С. Н. Дурылина можно по праву назвать одним из первых христианских символистов, создавшим полноценное иконоическое мифо-орнаментальное пространство в художественном тексте.

Ключевые слова: Сергей Николаевич Дурылин, «Колокола», святитель Николай Чудотворец, литературоведение, русская религиозная философия, символизм.

Об авторе: **Священник Владимир Анатольевич Белоножко**
Соискатель кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии.
E-mail: iefima@list.ru

Для цитирования: Белоножко В., *свящ.* Образ святителя Николая Чудотворца в романе-хронике С. Н. Дурылина «Колокола» // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (24). С. 206–212.

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 14.05.2024.

Priest Vladimir Belonozhko

**The Image of St. Nicholas the Wonderworker
in the Chronicle Novel by S. N. Durylin “Bells”**

UDC 1(470)(091)+82.09-31
DOI 10.47132/2541-9587_2024_4_206
EDN PCDYEP

Abstract: The article, for the first time in studying the work of Sergei Nikolaevich Durylin (1886–1954) – a writer, a Russian religious philosopher, a historian of literature and theater, offers an interpretation of one of the many religious images displayed on the pages of the chronicle novel “Bells”. On the basis of a comprehensive literary analysis in the holistic context of biographical materials and philosophical views of the writer, the author concludes that incognito one of the actors of the chronicle novel is St. Nicholas the Wonderworker, especially vividly, through symbols, acting as the main character of Chapter 2 of the first part of the work. Through the interpretation of religious symbols, images and motives, which are saturated with the narrative of the chronicle novel, it can be concluded that S. N. Durylin may rightfully be called one of the first Christian symbolists, who created a full-fledged iconic mytho-ornamental space in an artistic text.

Keywords: Sergei Nikolaevich Durylin, “Bells”, St. Nicholas the Wonderworker, literary studies, Russian religious philosophy, symbolism.

About the author: **Priest Vladimir Anatolyevich Belonozhko**

External postgraduate student of the Theology Department at the St. Petersburg Theological Academy.
E-mail: iefima@list.ru

For citation: Belonozhko V., priest. The Image of St. Nicholas the Wonderworker in the Chronicle Novel by S. N. Durylin “Bells”. *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (24), pp. 206–212.

The article was submitted 26.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 14.05.2024.

Роман-хроника «Колокола» является одним из самых больших и значимых произведений Сергея Николаевича Дурылина. Произведение написано в тяжелые годы Томской ссылки (1928–1930 гг.), когда философ ощущал особую тоску по «золотому веку» своего прошлого. Потому роман, как и многие другие произведения автора, наполнен сугубо личными мотивами, при вдумчивом анализе соотносимыми с биографией.

Колокола — это символ возвращения Дурылина к вере¹. Оглушительная радостная весть о Воскресении Христа, первое за многие годы причастие... Символ, крайне насыщенный смыслами, как личными для писателя, так и внешними, сугубо философскими. В самом названии уже содержится завершенная картина произведения, потому как метафизический Китеж, который к концу романа сольется с Темьяном-Россией, согласно одной из версий Китежского мифа, обнаруживал свое существование посредством колокольного звона, связывающего реальный и духовный миры, моста от «realibus» к «realiōra»².

Роман по своим стилистическим и художественным приемам близок эмигрантской литературе. Также наблюдаются очевидные сходства в смысловом содержании «Колоколов» с произведениями русского Зарубежья. В первую очередь, оно заключается в покаянной настроенности, переосмыслении прошлого, примирении с ним. Такое сходство стиля и фабулы свидетельствует о «внутренней», душевной эмиграции Дурылина.

Инкогнито в романе присутствует герой, не названный по имени, первое упоминание о котором содержится во второй главе первой части. В ней содержится рассказ о неурожайном годе, после которого последовал страшный голод и лихорадка, унесшая столько жизней, что «на кладбищах некому было могилы копать»³.

Сергей Николаевич и сам некогда познал цену хлебу, когда его семья, лишившись кормильца (Николай Зиновьевич Дурылин (1831/2–1898), осталась без средств к существованию: «мы ели раз в день и два раза чай. Печку топили одну. В кухне не топили»⁴. Голод вернулся и позже, в 20-е годы, когда Сергей Николаевич принял священство, служил и трудился вместе со своим духовником — праведным Алексеем Мечёвым: однажды сестры общины храма святителя Николая в Кленниках видели, как отец Сергий падает в голодный обморок⁵.

В городе Темьяне (хроника жизни которого описывается в романе) объявился безымянный человек средних лет, в белом дорожном кафтане (азяме), подходящий по описанию под иконописный образ святителя Николая («глаза

¹ Пастернак Е. В. Пути «возвращения» Б. Л. Пастернака и С. Н. Дурылина // С. Н. Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования. М.: Модест Колеров, 2010. С. 160–161.

² Мотейунайте И. В. Юродские слезы, колокольный звон и русская история (о способах символизации в романе-хронике С. Н. Дурылина «Колокола» на примере образа юродивого) // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Коллективная монография. Ижевск, 2009. С. 338.

³ Дурылин С. Н. Собр. соч.: в 3-х томах. Т. II. М.: Изд-во журнала «Москва», 2014. С. 10.

⁴ Дурылин С. Н. В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 232.

⁵ Торопова В. Н. «Крепче смерти». Жизнь и судьба И. А. Комиссаровой-Дурылиной (1899–1976) // Московский журнал. 2008/ № 7 (211). С. 40.

карие, борода светлая, лицом бел»⁶), которому городничий пригрозил острогом, если тот не покинет город.

Безымянный человек стал собирать подать на голодающий город, передвигаясь по окрестным селениям вместе с гужевой кибиткой, на которой был установлен колокол и водружена икона Спасителя. «На голодный кус Спасу»⁷ народ охотно жертвовал и деньги, и продукты. «Возничий» на собранные средства приобретал хлеб и отправлял обозами в голодающий город набожным людям, чтобы те справедливо распределяли гуманитарную помощь. Однажды в темное время суток в глухом месте кибитку остановили разбойники, но их предводитель не тронул денег, вместо того тайно оставив кошелек с червонцами.

Следующий за этим год был урожайным, и таинственный незнакомец, собиравший пожертвования для жителей Темьяна, исчез так же внезапно, как и появился, так что даже кибитка и все её содержимое остались в городе, во дворе одного верующего человека. Было решено икону с честью поместить в соборном храме, а колокол поднять на колокольню. Когда с высоты прозвучал голос колокола, люди, услышав его «глас голодный», прослезилась. Народ выразился поэтично и с любовью, сказав, что колокол, «прося на Спасов кус», охрип. Но без его голоса все же опытные звонари не видели возможности «красного звона».

Очевидно сближение образов незнакомца, главного действующего лица раздела и свт. Николая Чудотворца, который, во-первых, помогает бедным («лучшим явился ты питателем»⁸, — поет ему Церковь), во-вторых, является покровителем путешествующих (этот человек прошел сотни верст, собирая на голодающих), в-третьих, в самом начале говорится, что Темьян был вручен на охрану свт. Николаю, в-четвертых, в русском народном религиозном сознании (на которое ориентировался Дурылин) свт. Николай почитался чуть ли ни наравне с Самим Спасителем. Иностранцы, наблюдавшие за исключительным почитанием святого на Руси (например, в XVI в.), именовали его «русским богом», а в XVII в. иноземцы применяли наименование «никола» в качестве общего обозначения православной иконы, что показывает, настолько широко образы святого были распространены⁹. В-пятых, в одной из версий жития свт. Николая содержится повествование о неурожайном засушливом годе, жителей Мир и других городов Малой Азии, нуждавшихся в хлебе. Согласно сказанию, некоему купцу в сонном видении явился незнакомец, велевший вести в Мир зерно, оставив в залог золотые монеты, которые остались в руке и после сна. Когда хлеботорговец описал внешность явившегося ему человека, жители спасенного города узнали свт. Николая¹⁰. В этом повествовании содержится две схожие с сюжетом в романе-хронике черты: случается голод, святой не узнается.

⁶ Дурылин С. Н. В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 232.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Акафист святителю Николаю архиепископу Мир Ликийских чудотворцу. М.: Храм Успения Пресвятой Богородицы в Гочарах, Болгарское подворье, [б.г.]. С. 7.

⁹ Лидов А. М. «Русский бог». О почитании св. Николая в Древней Руси // *Archeologia Abrahamica*. М., 2009. С. 137–138.

¹⁰ Бугаевский А. В., Виноградов А. Ю. Николай, свт., чудотворец // *Православная энциклопедия*. Т. 50. М., 2018. С. 95–96.

По сюжету, когда незнакомец, «по-мелхиседековски» появившийся из не откуда, так же неожиданно исчезает, во дворе одного из набожных горожан остаются предметы, с которыми он собирал подаяние, символически трансформирующиеся, на наш взгляд, следующим образом:

1. Кибитка — храм,
2. Икона Спасителя — Бог,
3. Колокол — святитель Николай.

Для нашего построения самый важный элемент — третий пункт. В тексте мы находим почти прямые подтверждения такого символизма:

1. Народ не сожалеет о внезапном исчезновении своего благодетеля, которого никто не успел отблагодарить за самоотверженное служение городу;

2. Люди прямо говорят о том, что колокол «послужил миру, прося»¹¹, в то время как в прямом смысле просил «Христа ради» незнакомец. Звон колокола — голос просящего.

3. Незнакомца никто не спросил об его имени, что, очевидно, необходимо для молитвенной памяти о нем в народе. Колоколу дается имя: «Голодай».

4. От городничего стало известно, что неизвестный благодетель — «московский дворянин, Панкратьевской слободы». В этой детали комментатор издания А. Б. Галкин¹² усматривает автобиографическую деталь, которую мы можем проинтерпретировать в пользу нашей теории. Из книги «В родном углу» нам известны детали разорения главы семейства Дурьлиных.

Отец Сергея Николаевича оказался разорен, практически в одночасье лишившись почти всего: любимого прибыльного дела, сословных привилегий, большого дома. Он не нашел поддержки ни со стороны большого числа родственников, часто пользовавшихся безвозмездными услугами Дурьлиных, ни со стороны родных детей. Ни замужние дочери, ни сыновья не протянули руку помощи отцу, на поддержку от которых он по праву рассчитывал, многие годы честно и самозабвенно отдавая все силы своей большой семье. Семейное дело, а вместе с ним и дом в Плетешках были проданы для уплаты возникших вследствие банкротства долгов. Николай Зиновьевич с женой, двумя детьми и парой человек из сохранивших верность домашних был вынужден остановиться в небольшой казенной квартире на Переведенке, почти без всяких средств к существованию. Семья жила впроголодь.

Глава семьи перед самой смертью был отчислен из купеческого сословия, получив статус московского мещанина Панкратьевской слободы. Однако, имея в виду добросовестную и часто безвозмездную службу Н. З. Дурьлина купеческому сословию, Московское купеческое общество все же назначило пенсию для семьи покойного в размере 30 рублей¹³. Итак, история спасения города от голода для Сергея Николаевича — личная драма.

¹¹ Дурьлин С. Н. Собр. соч.: в 3-х томах. Т. II. М.: Изд-во журнала «Москва», 2014. С. 13.

¹² Галкин А. Б. Комментарии. Колокола // Дурьлин С. Н. Собр. соч.: в 3-х томах. Т. II. М.: Изд-во журнала «Москва», 2014. С. 557–558.

¹³ Дурьлин С. Н. Собр. соч.: в 3-х томах. Т. II. М.: Изд-во журнала «Москва», 2014. С. 558.

История преодоления угрозы от разбойников в лесу внешне напоминает рассказ Чехова «Встреча». Сюжет схож, но повествование С. Н. Дурылина на контрасте становится прямо-таки иконографичным, потому как в художественном пространстве иконы даже мучители и палачи наделяются одухотворенным лицом. Разворачивающаяся в обратной перспективе реальность отображает Софийное бытие, преображенную плоть вернувшегося к Богу мира. Рассказ Чехова в этой символической аналогии предстает холстом «Мертвый Христос» Гольбейна, картиной, глядя на которую «у иного еще вера может пропасть»¹⁴. Причем, если Антон Павлович, создавая «Встречу», выступал как врач-психиатр, то Дурылин — как священник. Физиономия Чеховского Кузьмы Шкворня — детально описанная и ярко выраженная личина, обрисованная предельно реалистично; разбойники Дурылина — не поименованные «худые люди», их предводитель — «набольший», вся история описана лаконично, ясно, иконично, в стиле, близком к агиографии. Чехов вырисовывает психологию, Дурылин — событие.

В следующей главе в качестве действующего лица хроники снова выступает свт. Николай, на этот раз прямо названный по имени. Благоразумный разбойник купец Малолетов, находясь на смертном одре, поведал брату, что ему, жестокому и алчному убийце, «Никола мечом грозил»¹⁵, после чего несчастный стал одержим бесом, который ему «сердце лапой остановил»¹⁶.

Ещё один благоразумный, на этот раз князь, эксцентричный безбожник и поклонник Вольтера, оказавшись на смертном одре, призывает истово и искренне верующую богобоязненную сестру. Князь, страшась близкой кончины, обращается к сестре со словами, что он «всегда верил в доброго Saint-Nicolas»¹⁷.

Итак, в сюжет романа включены религиозные мотивы, которые С. Н. Дурылин представляет через мифотворчество. Философа можно назвать одним из первых христианских символистов, создавшим полноценное иконическое мифо-орнаментальное пространство в художественном тексте.

Мы предполагаем, что в истории колокола Голодая незнакомец, послуживший спасению города от голодной гибели — это свт. Николай Чудотворец, которому был вручен на охранение город при его основании. Такая интерпретация, возможно, была очевидна для исследователей романа, потому они не упоминали об этой детали. Однако подчеркнем особую роль святого, которого русский народ почитает чуть ли не наравне с Самим Спасителем по следующей причине: народный аспект религиозности для Дурылина является репрезентацией глубинной сущности христианства. Потому включение в ткань повествования «русского бога», который действует наравне со священниками, князьями, прочими городскими обывателями, и упоминается чуть ли не в каждой главе. Для автора такая деталь нечто не только необходимое, но и естественное, особенно в символистском романе, в самом своем основании метафизическом.

¹⁴ Достоевский Ф. М. Идиот. М.: АСТ, 2021. С. 122.

¹⁵ Дурылин С. Н. Собр. соч.: в 3-х томах. Т. II. М.: Изд-во журнала «Москва», 2014. С. 16.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 29.

Основными доводами в пользу нашей интерпретации служат следующие аспекты нарратива:

1. Описание внешности героя (незнакомца из 2-й главы) соответствует традиционному иконографическому образу свт. Николая.

2. О герое известно, что тот был «московский дворянин, Панкратьевской слободы», а московским мещанином Панкратьевской слободы был назван отец Сергея Николаевича — Николай Зиновьевич, пенсия которого, выхлопотанная с большим трудом, можно сказать, спасла осиротевшую после смерти отца семью Дурылиных от голодной смерти.

3. Символическое соотнесение колокола, помещенного на колокольню соборного Никольского храма, и безымянного незнакомца.

4. Схожий, практически аналогичный случай, в котором жители города были спасены от голода, и свт. Николай не был узнан, содержится в житии святого, которое, по всей вероятности, было знакомо С. Н. Дурылину.

Источники и литература

1. Акафист святителю Николаю архиепископу Мир Ликийских чудотворцу. М.: Храм Успения Пресвятой Богородицы в Гочарах, Болгарское подворье, [б.г.]. 36 с.

2. *Бугаевский А. В., Виноградов А. Ю.* Николай, свт., чудотворец // Православная энциклопедия. Т. 50. М., 2018. С. 90–160.

3. *Галкин А. Б.* Комментарии. Колокола // Дурылин С. Н. Собр. соч.: в 3-х томах. Т. II. М.: Изд-во журнала «Москва», 2014. С. 557–558.

4. *Достоевский Ф. М.* Идиот. М.: АСТ, 2021. 640 с.

5. *Дурылин С. Н.* В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.

6. *Дурылин С. Н.* Собр. соч.: в 3-х томах. Т. II. М.: Изд-во журнала «Москва», 2014. 666 с.

7. *Лидов А. М.* «Русский бог». О почитании св. Николая в Древней Руси // *Archeologia Abrahamica*. М., 2009. С. 137–157.

8. *Мотеюнайте И. В.* Юродские слезы, колокольный звон и русская история (о способах символизации в романе-хронике С. Н. Дурылина «Колокола» на примере образа юродивого) // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Коллективная монография. Ижевск, 2009. С. 337–357.

9. *Пастернак Е. В.* Пути «возвращения» Б. Л. Пастернака и С. Н. Дурылина // С. Н. Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования. М.: Модест Колеров, 2010. С. 159–175.

10. *Торопова В. Н.* «Крепче смерти». Жизнь и судьба И. А. Комиссаровой-Дурылиной (1899–1976) // Московский журнал. 2008. № 7 (211). С. 38–55.